

Коменский Ян Амос

Великая дидактика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я60

Я60 **Ян Амос К.**
Великая дидактика / Коменский Ян Амос – М.: Книга по Требованию, 2023. – 312 с.

ISBN 978-5-519-89995-6

ISBN 978-5-519-89995-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Янъ Амосъ Коменскій, великій славянскій мыслитель-педагогъ, принадлежитъ къ гениальнѣйшимъ представителямъ педагогическаго міра. *Чехъ* по происхожденію, горячій патріотъ, страдалецъ и безпріютный странникъ на землѣ, онъ отдалъ жизнь свою благу человѣчества, которое онъ видѣлъ въ разумномъ воспитаніи молодыхъ поколѣній. Обнимая въ своей системѣ глубочайшія основы воспитанія и обученія, Коменскій является величайшимъ педагогомъ *всѣхъ временъ*. «Амосъ Коменскій (пишетъ одинъ изъ нашихъ педагогическихъ писателей, трудамъ котораго русская публика обязана первымъ знакомствомъ съ идеями гениальнаго педагога-мыслителя) есть *истинный родоначальникъ и основатель современной педагогической науки*, составляющей славу и гордость нашихъ дней. Славянская мысль въ лицѣ Коменскаго тоже сдѣлала для педагогіи, что въ лицѣ Коперника (также Славянина) она совершила для астрономіи». Въ этомъ смыслѣ Коменскій есть истинный «Коперникъ педагогическаго Космоса».

Другой изъ нашихъ педагоговъ пишетъ: «*Эллинъ Платонъ и славянинъ Коменскій* — вотъ двѣ основныя педагогическія эпохи, которыя дѣйствительно внесли въ міръ *новыя педагогическія начала*».

Такой взглядъ не преувеличенъ и раздѣляется даже нѣмецкими учеными педагогами, не охотно признающими чужой авто-

ритетъ въ той области, которую они считаютъ исключительно своимъ достояніемъ.

Такъ, извѣстный историкъ *Раумеръ* признаетъ Коменскаго «универсальнымъ педагогическимъ гениемъ» и говоритъ, что глубокія основы воспитанія и обученія у Коменскаго развиты и выражены въ такой полнотѣ и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, что въ этомъ отношеніи вся послѣдующая педагогія получила лишь очень незначительныя и второстепенныя приращенія. «Вліяніе Коменскаго, на позднѣйшихъ педагоговъ, пишетъ Раумеръ, неизмѣримо. Конечно, часто бываетъ трудно рѣшить, знали ли они Коменскаго или же сами нашли тѣже начала. У Руссо, Базедова и Песталоцци мы найдемъ много такого, что уже *раньше сказалъ Коменскій*». «Педагогическій идеалъ Коменскаго такъ совершенъ и полонъ, что, по мнѣнію Раумера, всѣ повѣйшія усовершенствованія воспитанія, еще далеко не осуществляютъ его». Того же мнѣнія о Коменскомъ *К. Шмитъ*. Къ этому прибавимъ, что слѣдая, напр., «Основныя начала воспитывающаго обученія» Дистервега съ трудами Коменскаго, мы въ послѣднихъ находимъ *дословно* выраженными тѣ положенія, открытіе которыхъ принято усвоивать нѣмецкому гению.

Болѣе двухъ вѣковъ прошло со времени Коменскаго, и только въ послѣднее время начали цѣнить его заслуги въ исторіи науки о воспитаніи. Это явленіе понятно относительно нѣмцевъ: они такъ долго пользовались славою педагогическихъ учителей всего міра, такъ привыкли чтить своихъ Франка, Базедова, Песталоцци *отцами* современной педагогіи,—что не въ ихъ интересѣ признать *первенство* въ этой области *славянскаго* гения и, такимъ образомъ, своихъ «отцовъ и учителей» разжаловать въ дѣтей и учениковъ. Но по отношенію къ славянскому міру—столь продолжительное забвеніе роднаго гениальнаго мужа непонятно и можетъ быть объяснено развѣ свойственною славянской расѣ беззаботностью, отчасти недостаткомъ вниманія къ своему историческому прошлому. Какъ бы то ни было, 200 лѣтъ нужно было пройти,—чтобы міръ педагогическій снова озаренъ былъ сіяніемъ гениальной мысли изъ далекаго прошлаго. Празднованіе 200-лѣтія Коменскаго точно всѣхъ пробудило. Не только Чехи постарались издать труды роднаго своего педагога, но и Нѣмцы потщились

перевести его «Великую Дидактику» и торжественно признали историческое значеніе ея автора въ исторіи педагогій. Съ этого же времени и у насъ начинается извѣстность Коменскаго *), до того времени даже и по имени у насъ почти неизвѣстнаго.

Одною, впрочемъ, изъ причинъ поздняго знакомства нашего съ Коменскимъ слѣдуетъ признать *рѣдкость* его сочиненій, а равно и то, что они писаны на *латинскомъ языкѣ*, недоступномъ для большинства.

Между тѣмъ, *идеи Коменскаго* и теперь, черезъ 200 лѣтъ, свѣжи, новы и глубоки. Читатели «Семьи и Школы» уже знакомы съ ними, и знаютъ, какою проникнуты онѣ гуманностью, задушевною теплотою и вмѣстѣ глубиною, основательностью и практичностью.

Предпринявъ изданіе «Великой Дидактики», редація намѣрена дать читателямъ *особую обстоятельную статью* о жизни и трудахъ ея великаго автора; теперь же ограничивается сообщеніемъ лишь немногихъ существенныхъ свѣдѣній объ авторѣ и замѣчаній объ издаваемомъ его твореніи.

Коменскій родился въ Моравіи, 28 марта 1592 г.,—значить, болѣе 280 лѣтъ назадъ. Онъ вышелъ изъ народа; отецъ его былъ простой мельникъ, принадлежавшій къ общинѣ Моравскихъ Братьевъ. Еще ребенкомъ Янъ уже потерялъ родителей и о немъ нѣкому было заботиться. На 16-мъ году онъ только началъ ходить въ школу и учиться латыни. Школы того времени были въ крайнемъ упадкѣ, всюду только и царила латынь и схоластика. Коменскій вынесъ на себѣ не только всю тяжесть невзгодъ ранняго сиротства, но и всѣ истязанія схоластической школы, которую онъ позднѣе такъ беспощадно бичевалъ. Воспоминаніе о потерянномъ школьномъ времени вызывало у него слезы. «Ахъ, какъ часто,—говоритъ онъ,—послѣ того, какъ захотѣлось мнѣ узнать лучшее, воспоминаніе о моей утраченной юпо-

*) 200-лѣтній юбилей Коменскаго у насъ праздновался въ торжественномъ застѣданіи Петербургскаго «Славянскаго Комитета», гдѣ г. Милопольскій говорилъ рѣчь о Коменскомъ и его значеніи въ педагогіи. Рѣчь эта была напечатана въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1870 г., за мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь.

сти тѣснило грудь мою и выжимало у меня слезы изъ глазъ, какъ часто восклицалъ я въ порывѣ скорби словами поэта:

„О если бы Юпитеръ возвратилъ мнѣ утраченные годы“!

Напрасная скорбь! Протекшіе дни невозвратимы. Одно остается, одно лишь возможно: дать совѣтъ потомству,—совѣтъ, который я въ силахъ дать, и разъясненіемъ способа, которымъ наши учителя ввели насъ въ заблужденіе, показать путь, которымъ можно избѣжать ошибокъ». Вотъ гдѣ *субъективная*, такъ-сказать, причина, вызвавшая Коменскаго на служеніе образованію, воспитанію, школѣ. Испытавъ самъ всю горечь воспоминаній объ утраченномъ времени, всю мучительность убивающаго жизнь схоластическаго ученія, Коменскій посвятилъ жизнь свою задачѣ—избавить другихъ отъ этихъ страданій, утратъ, отъ этой горечи позднихъ и бесполезныхъ сожалѣній.

Другая, болѣе сильная и глубокая, *объективная* основа его задачъ, дѣятельности и стремленій, это — пламенная любовь къ родинѣ и вѣра, что только разумное воспитаніе и обученіе могутъ создать лучшую будущность ушетенному народу и возродить его. Эта задача стала его миссіонерскимъ посланничествомъ, и она-то стяжала безсмертіе Коменскому.

Но *гдѣ* же и *какъ* могъ получить Коменскій всю широту развитія, глубину идей и замѣчательную для того времени эрудицію, бывъ покинутъ сиротою и отданный на жертву схоластики?—Здѣсь-то и сказалась гениальная натура великаго человѣка. Онъ скоро понялъ всю пустоту старой школы, всю безцѣльность схоластики; мощный духъ его рвался дальше; ему видѣлась за этою школой и образованіемъ—*другая* школа, *иной* умственный трудъ; передъ нимъ раскрывались необъятныя задачи мысли, знанія, подвиговъ на пользу человѣчества. Онъ успѣшно прошелъ курсъ старой школы; но ему не сидѣлось дома. Слухи о великихъ людяхъ его времени манили его впередъ: онъ отправился *странствовать*. Это путешествіе было истинною школой для великаго ума. Коменскій шелъ *учиться* и работалъ вездѣ съ страстною энергіей и замѣчательнымъ успѣхомъ. Онъ обошелъ *всю Европу*, слушалъ всѣхъ знаменитостей того времени, всѣхъ представителей европейской мысли, между которыми были замѣчательные люди,

и когда возвратился на родину,—онъ уже обладалъ такими познаниями, опытностью и даже извѣстностію, что ему прямо поручили управленіе школами цѣлаго округа (Фульнецкаго). Отсюда начинается полная жизни и страстнаго увлеченія кипучая дѣятельность Коменскаго на родинѣ и затѣмъ его страдальческая жизнь. Едва успѣлъ онъ поставить забитую школу на ноги, какъ страшный погромъ отечества (послѣ несчастной Бѣлогорской битвы 1620 г.) разбилъ всѣ его труды. Но у него оставалась семья—жена, двое цѣнно любимыхъ малютокъ и драгоцѣнная для того времени библіотека, въ которой было много его собственныхъ рукописей,—плодъ долгихъ работъ и многолѣтнихъ практическихъ занятій; онъ не терялъ духа и продолжалъ трудиться. Но вотъ новая страшная гроза,—и все его счастье, всѣ его надежды исчезли въ испанскомъ разгромѣ Фульнека (1621 г.) Коменскій потерялъ *все*: жену, малютокъ, библіотеку, свои рукописи... Одинокій и безпріютный, среди развалинъ своего счастья и разгрома горячо любимой родины, стоялъ великій человѣкъ. Съ этихъ поръ Коменскій уже не имѣлъ постоянного пріюта и до конца жизни оставался странникомъ. Сначала онъ нашелъ себѣ пріютъ у славнаго Карла Жеротинскаго, извѣстнаго покровителя Моравскихъ братьевъ (Янъ Коменскій былъ ихъ послѣднимъ епископомъ); но скоро враги проникли въ это убѣжище; тѣснимые и преслѣдуемые отовсюду братья, съ Амосомъ во главѣ, разбрелись по лѣсамъ, скрываясь въ пещерахъ, рискуя поплатиться головой за вѣрность вѣрѣ и родинѣ, пока, наконецъ, публичнымъ декретомъ не были осуждены на совершенное изгнаніе за то, что никто изъ патріотовъ не рѣшился измѣнить своимъ убѣжденіямъ.

Не будемъ слѣдить за подробностями страннической жизни Коменскаго:—это дѣло его обстоятельной біографіи; скажемъ только, что всѣ преслѣдованія и самое изгнаніе не убили въ немъ энергіи, самоотверженнаго служенія на пользу человѣчества. Онъ неутомимо работалъ теоретически и практически—преимущественно въ области педагогіи,—устроивалъ школы, распространялъ разумныя воззрѣнія на воспитаніе и обученіе, составлялъ учебники, руководства, и въ тоже время обрабатывалъ дидактику, какъ *науку*, выводя ее изъ глубокихъ психологическихъ началъ.

Писалъ Коменскій *чрезвычайно много*. Палацкій, спеціально собиравшій свѣденія о литературныхъ трудахъ Коменскаго, насчитываетъ въ своемъ каталогѣ трудовъ славянскаго педагога *девяносто два* сочиненія. Многія изъ нихъ теперь утрачены; по названія ихъ свидѣлствуютъ объ обширности и всесторонности познаній и работъ Коменскаго. Онъ писалъ о богословіи, о политикѣ, исторіи; занимался философіей, физикой, математикой и обрабатывалъ, по идѣ своей «пансофіи», педагогическую энциклопедію наукъ. Его собственно педагогическіе труды, изданные въ 1657 г., представляютъ громадный томъ in folio, мелкой печати, заключающій въ себѣ болѣе 1000 листовъ, въ 4-хъ частяхъ. Изданіе это, теперь очень рѣдкое и даже драгоцѣнное, вышло въ свѣтъ по опредѣленію амстердамскаго сената, посвящено Амстердаму и было редактировано самимъ авторомъ. Общее заглавіе его: «I. A. Comenii opera omnia didactica»; въ немъ, между другими твореніями, заключается и знаменитая «Великая Дидактика» Коменскаго, которую мы теперь представляемъ нашимъ читателямъ. Написана она была въ 1628 г., слѣдовательно—*около двухсотъ пятидесяти лѣтъ* тому назадъ; въ свѣтъ явилась она сперва на чешскомъ языкѣ, потомъ авторъ перевелъ ее на литературный языкъ того времени—латинскій. Чешскій подлинникъ, кажется, утраченъ теперь.

Кромѣ «Великой Дидактики», между современниками Коменскаго особенно славою пользовалась его «Отверзтая дверь языковъ» (Janua linguarum reserata) и «Orbis pictus». «Janua» выдержала безчисленное множество изданій и была переведена вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ на 12 европейскихъ языковъ и даже проникла на востокъ; а «Orbis pictus» и до сихъ поръ еще переводится и существуетъ за границей, служа прототипомъ нашихъ «наглядныхъ» книгъ для дѣтскаго чтенія. Одинъ изъ современныхъ педагоговъ, оцѣнивая историческое значеніе Коменскаго, дѣлаетъ сравненіе знаменитыхъ подарковъ *трехъ* европейскихъ расъ дѣтскому міру. Романская раса подарила *Телемака*, англо-саксонская—*Робинзона*, славянская—«Orbis pictus».—*Телемакъ* это метода воспитанія привеллигированныхъ *сословій*, прозаическая, *разсудительная*, въ основѣ которой лежитъ разсудочная идея *долга*. *Робинзонъ*—это метода воспитанія смышенности, развитія умственныхъ и мускуль-

ныхъ силъ, въ основѣ которой та же *разсудительность* и идеи *нужды*. Оба произведенія сотканы изъ *резонансовъ*, первое—изъ моральныхъ, второе—изъ житейскихъ. «*Orbis pictus*» Коменскаго отличается отъ обонхъ, какъ отличается жизнь отъ общихъ правилъ, какъ отличается полный духъ человѣчности отъ односторонняго духа какой-либо спеціальности. Развитие человѣческой личности не есть для Коменскаго ткань *приключений* (каковы приключенія Телемака и Робинзона), но радостное, свѣтлое возрастаніе духа, питающагося созерцаемъ «необъятнаго, вѣчно прекраснаго Божьяго міра». Это сравненіе показываетъ съ очевидностью, что славяніскій геній Коменскаго есть та творческая сила, которая положила глубокія основы для истинно гуманнаго просвѣщенія и воспитанія человечества.

Очень понятно и естественно, что Коменскій являлся своимъ современникамъ чѣмъ-то необычайнымъ, удивительнымъ. Такъ одинъ изъ современныхъ Коменскому писателей, Ад. Вейнгемейеръ пишетъ: «*Hic vir (Comenius) dono quodam providentiae genitus est, in quo totas vires suas experitur didactica*». Ученый Petrus Golia (1641 г.) писалъ брату своему, профессору восточныхъ языковъ въ Лейденѣ, что переводя «*Janua Linguarum*», на арабскій языкъ, онъ viuшилъ такую любовь къ этой книгѣ ученымъ магометанамъ, что тѣ сами припились за переводъ ея на восточные языки.

Адольфъ Тассій писалъ также: «*Fervet jam per omnes Evropaе angulos pansophicum et melioris didacticae (Comenii) Studium*». Bayl, французскій писатель прошлаго вѣка писалъ о «*Janua*»: *Quand Comenius n'auroit publié que ce livre-là, il se serait immortalise*. И если эта слава временно находилась въ забвеніи, то много виною была здѣсь грозная и мрачная эпоха 30-лѣтней войны: не одна педагогія понесла утраты въ буряхъ и кровопролитіи ожесточенной борьбы, громившей всю Европу...

Всемирная слава Коменскаго не уничтожила однако въ немъ врожденной скромности и даже недовѣрія къ своимъ трудамъ. Онъ радовался, что его повсюду призываютъ властители для устройства школъ на новыхъ началахъ и ревностно трудился въ этомъ дѣлѣ; но онъ удивлялся тому, что даже ранніе его труды принимаются съ увлеченіемъ всѣми. Такъ, онъ пишетъ о «*Janua lin-*

guatum: «Случилось то, чего я не воображалъ: это дѣтское сочиненіе (puerile istud opusculum) принято было съ всеобщимъ одобреніемъ. Меня отъ души поздравляли съ новымъ изобрѣтеніемъ ученые различныхъ націй; моя книга была переведена на 12 европейскихъ языковъ, я самъ видѣлъ эти переводы,—именно на латинскій, греческій, чешскій, польскій, нѣмецкій, шведскій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, италіанскій и венгерскій; а изъ азіатскихъ—на арабскій, турецкій, персидскій и даже монгольскій, который понимаетъ вся Остъ-Индіа». Не довѣряя общимъ похваламъ, Коменскій до конца дней своихъ трудился и исправлялъ свои работы.

Много еще невыгодъ и потерь испыталъ страдалецъ и безпріютный труженикъ въ своей жизни, особенно тяжела была для него потеря рукописи его сравнительнаго латинско-чешскаго и чешско-латинскаго словаря, на составленіе котораго онъ употребилъ 20 лѣтъ и который погибъ въ шведскомъ разгромѣ Лешны, гдѣ сгорѣли и матеріалы для его «пансофіи». Но мощная и энергичная натура Коменскаго не терпѣла бездѣйствія, и онъ писалъ, училъ, старался водворить между людьми миръ и правду, пока на 80 году своей жизни, 15 ноября 1671 г., смерть не прекратила его жизни.

Исторія оставила намъ скромный и величественный образъ великаго генія славянской мысли. Коменскій отличался глубокою и задушевною религіозностью, въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ. Онъ былъ полонъ всепрощающей любви; онъ никого и никогда не проклиналъ и не осуждалъ; чистая, довѣрчивая душа его не знала обмана, и хотя многіе его обманывали и пользовались его простотой (за что онъ и платился), но онъ не переставалъ вѣрить въ человѣка и въ добро. Въ страшныхъ испытаніяхъ жизни, Коменскій сохранилъ себя и не отдался ни озлобленію, или враждѣ, ни постыдному равнодушію и апатіи, — онъ остался до конца вѣренъ своему высокому призванію. Одинокій, загнанный далеко отъ родины, все потерявшій, онъ жилъ мыслью, что послужить возрожденію отечества своими трудами. Сердце его было полно добромъ и желаніе добра всему человѣчеству, даже врагамъ своимъ, не покидало его. Несчастія не надломили великой души, но они отразились на ней къ концу жизни великаго страдальца усиленіемъ религіозности, которая стала переходить даже въ мисти-

цизмъ, столь не свойственный ясному уму и свѣтлой мысли его раньше. Но несчастія его по истинѣ были безпримѣрны и великая душа его болѣла и страдала за себя и за всѣхъ; онъ вперялъ взоръ въ будущее и старался разгадать его тайны; онъ жилъ чапнѣмъ вратъ счастья своей родины, и очень естественно, что настроеніе его мало-по-малу принимало характеръ созерцательный. Но онъ никогда не былъ фанатикомъ, суевѣромъ или ханжею; высокочестная и благородная натура его была всегда искренна и правдива.

По отзывамъ современниковъ, Коменскій былъ высокаго роста, красивой и величавой наружности, съ длинною бородою, высокимъ челомъ, съ добрымъ, но скрывающимъ тихую печаль взглядомъ; въ обращеніи онъ былъ мягокъ, серьезенъ и въ тоже время чрезвычайно привлекателенъ.

Обращаясь къ переводу «Великой Дидактики» Коменскаго, мы должны сказать, что этотъ трудъ справедливо считается лучшимъ выраженіемъ его педагогическаго гения. «Великая Дидактика» написана была Коменскимъ въ самую цвѣтущую пору его возраста (35-ти лѣтъ), когда его мощный духъ еще не былъ смятъ бурями невзгодъ, когда онъ былъ чуждъ и того мистическаго элемента, который сталъ появляться въ немъ къ концу его жизни. Въ этомъ трудѣ видѣнъ широкій размахъ мысли глубокой и вполне свѣжей, которую не сгузила практика жизни и ограниченныя ея условія. Вполнѣ сознавая новостъ и самобытность своего труда, онъ вступаетъ въ борьбу съ старымъ порядкомъ дѣлъ, съ преданіями и предрассудками; но онъ полонъ вѣры въ свою миссію, въ истину своихъ убѣжденій, а потому смѣло и рѣшительно общается лучшую будущность школѣ и воспитанію въ своихъ трудахъ; не испытавъ еще бурь, онъ смѣло плыветъ на полныхъ парусахъ, не лавируя, не обходя трудностей, но давая свободный ходъ теченію своихъ мыслей. Въ этомъ трудѣ зерно всего, что создано было имъ въ области дидактики въ послѣдующее время.

Правда, что современное Коменскому невысокое состояніе наукъ было важнымъ для него препятствіемъ и положило даже отпечатокъ на его трудъ: нѣкоторыя изъ его научныхъ данныхъ и объясненій природы—нынѣ уже *несостоятельны*; но это не уменьшаетъ важности и глубокой истинности его *педагогическихъ идей*. Съ другой стороны, читатели замѣтятъ, особенно въ первыхъ главахъ «Дидак-

тики», весьма сильный *религиозный элементъ*, который также составляетъ характеристическую черту не только лично Коменскаго, но и той *эпохи*, въ которую онъ жилъ. Редакція не нашла возможнымъ и не считала себя вправѣ производить *кастрацію* великаго созданія, пригонять его къ нашей эпохѣ, «исправлять и очищать» его по какимъ-бы-то-ни-было тенденціознымъ взглядамъ. Мы *переводимъ*, а не сочиняемъ; задача же перевода—не исправленіе, а возможно точное и вѣрное воспроизведеніе *подлиннаго текста*. И каждому изъ читателей, безъ всякихъ напоминаній и объясненій понятно, что *250 лѣтъ* тому назадъ наука и жизнь во многомъ не походили на современную жизнь и науку.

Для болѣе яснаго и опредѣленнаго выраженія нашего взгляда на дѣло и отношеніе къ предпринятому труду, считаемъ не лишнимъ привести мнѣніе о значеніи педагогическихъ трудовъ Коменскаго, высказанное однимъ изъ современныхъ нашихъ педагогическихъ писателей, и которое мы вполне раздѣляемъ. «Чтобы вполне оцѣнить важность педагогическихъ идей Коменскаго, не должно забывать, что онѣ явились болѣе, чѣмъ за два вѣка назадъ, а между тѣмъ многія изъ этихъ идей и теперь *новы*. Правда, многое теперь кажется для насъ очень *простымъ*, но вѣдь простымъ кажется всякое великое открытіе, когда его сдѣлають. Что можетъ быть проще закона тяготѣнія или силы пара? однако открытіе столь *простыхъ* вещей произвело эпоху въ человѣчествѣ: таковы же великія «простыя» педагогическія идеи Коменскаго. Въ отвѣтъ тѣмъ, кто называлъ бы открытіе этихъ идей дѣломъ легкимъ и простымъ, Коменскій могъ сказать то же, что онъ влагаетъ въ уста Колумбу, съумѣвшему *просто* поставить яйцо на кончикъ носа, и что потомъ всякій брался сдѣлать: «Potestis, quia posse vidistis: *cur autem ante me nemo?*» Всѣ великія истины наукъ о мірѣ и о человѣкѣ не изобрѣтаются и не *сочиняются* человекомъ, всѣ онѣ лежатъ *въ глубинѣ природы*, какъ неизмѣнные ея законы, — человѣку остается только извлечь ихъ. Но это извлеченіе есть великій трудъ, требующій мощнаго, проникающаго ума; выполнить его въ состояніи только великіе основатели человѣческаго знанія: Амосъ Коменскій по праву занимаетъ мѣсто въ сонмѣ этихъ благодѣтелей человѣчества. Онъ не только открылъ и указалъ золотоносную руду, но и извлекъ ее, самъ обработалъ, показалъ ея